

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Краснодарского университета
МВД России
dom-hors@mail.ru

**ТЕРРОРИЗМ.
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация:

Статья посвящена актуальной проблеме борьбы с терроризмом в виктимологическом аспекте. В ней дана характеристика жертв террористических актов, а также классификация терроризма по видам и целям.

Ключевые слова:

терроризм, глобализация, террористический акт, жертва террористического акта, виктимность, виктимизация, классификация терроризма, борьба с терроризмом, международный терроризм.

Vishnevetskiy Kirill Valeryevich

LL.D., Assistant Professor,
Head of the Criminal Law Department,
Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia
dom-hors@mail.ru

**TERRORISM:
VICTIMOLOGICAL ASPECT**

Summary:

The article deals with an urgent issue of the counterterrorism in the victimological aspect. The author describes victims of the terrorist attack and classifies terrorism according to its types and aims.

Keywords:

terrorism, globalization, victim of terrorist attack, victimhood, terrorism classification, counterterrorism, international terrorism.

Борьба с терроризмом как составная часть общей борьбы с преступностью является важным элементом обеспечения безопасности мирового сообщества. Перерастание терроризма в глобальное международное явление, повышение уровня опасности террористических актов в различных регионах мира, степень их дерзости и беспрецедентной жестокости диктуют необходимость выработки и осуществления действенных мер по борьбе с этим злом. Политика по борьбе с терроризмом должна обеспечивать полное использование возможностей всех ветвей государственной власти, общества, органов, сил и средств обеспечения безопасности для борьбы с данным явлением, широкое привлечение для борьбы с терроризмом других стран, осуждение и пресечение деятельности общественных движений, граждан, государств, являющихся сторонниками решения спорных проблем террористическими методами.

В начале XXI в. в России и во всех мире терроризм приобретает все больший размах. Проблемы этого явления активно обсуждаются политиками и философами, политологами и социологами, психологами и журналистами, юристами, что вполне закономерно, ибо терроризм, как и любое другое явление общественной жизни, можно анализировать с разных точек зрения: философской, политологической, социологической, правовой, социально-психологической и даже психиатрической.

Многоаспектный подход убедительно показывает сложный характер терроризма и предопределяет многообразие его определений, одновременно актуализируя необходимость выделения разных граней данного социального явления [1]. Последнее важно и с точки зрения углубленного профессионального их изучения соответствующими специалистами, и в аспекте целенаправленного адекватного воздействия на терроризм с учетом осведомленности о специфике разных его проявлений и сторон, использования всего спектра мер реагирования.

Терроризм сегодня – это бесспорно форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие. Если обратиться к истории терроризма, то можно обнаружить, что характеристики жертв этого явления коренным образом изменились в последние десятилетия. Столетия назад эти преступления обычно осуществлялись террористами-одиночками и были направлены против конкретной личности.

Логика развития терроризма включает в себя не только формулирование новых обоснований для расширения круга мишеней терроризма, но и постоянное обновление форм террористического покушения. Террористами последних десятилетий XX в. впервые были введены в оборот и такие новые формы насильственных акций, как захват самолетов, взрывы на вокзалах и в магазинах, перестрелки в аэропортах и т.д. Характерные для этой ступени похищения людей осуществлялись не только с политическими и пропагандистскими целями (захват Альдо Моро и пленение министров ОПЕК), но также и ради получения выкупа. В наши дни это особенно характерно для захвата заложников на территории Ирака и Сирии.

Наиболее масштабные террористические акты в истории человечества (если отвлечься от форм государственного терроризма) связаны с событиями 11 сентября 2001 г. («Перл-Харбор XXI века»), когда захваченные террористами гражданские самолеты использовались как оружие массового поражения. Результатом было более чем 3 тыс. прямых жертв. Учитывая символический характер объектов нападения, обнаруженные при этом значительные организационные и финансовые возможности террористов, неадекватность спецслужб масштабу задач, можно констатировать, что эти акты достигли своей цели: не только население США, но и других стран было вынуждено почувствовать свою уязвимость. Психологический шок и привитое обществу чувство постоянного страха заставляет считать его непосредственной жертвой терроризма. Результатом этих действий (если только они не были спровоцированы напрямую спецслужбами США), стало усиление степени агрессивности правящих кругов США. Их действия в Афганистане и Ираке многие воспринимают как проявление государственного терроризма, потенциальными жертвами которого является все население планеты. Очевидно, что после событий 11 сентября 2001 г. он стал одной из наиболее острых социальных проблем, к которой приковано внимание всего мирового сообщества.

В Российской Федерации рост числа террористических актов начался в последние 15–20 лет вместе с общим ухудшением социально-экономической и политической ситуации. Сегодня террористические группы стремятся участвовать в деятельности организованной преступности для получения финансовой поддержки, поскольку «в основе функционирования террористических формирований лежат механизмы получения финансовых средств из различных источников, как правило, криминального характера» [2, с. 23]. При этом сетевые структуры группировок организованной преступности и террористов нередко пересекаются, особенно когда они действуют в районах слабого правительственного контроля, малоэффективного обеспечения правопорядка и открытых границ. Преступные группировки предпочитают для своей активной деятельности регионы, в которых широко распространена коррупция; контрабандная перевозка переселенцев, торговля оружием, кража автомашин, похищения в целях получения выкупа и нелегальные финансовые операции. И в России, и во всем мире террористические акты из года в год становятся все более тщательно организованными, совершаются с использованием взрывов и современного вооружения, с причинением вреда здоровью и лишением жизни людей. В международном масштабе терроризм в конце XX в. распространился, словно страшная эпидемия [3, с. 84]. Международные преступные сообщества отдают терроризму предпочтение перед санкционированными способами решения социальных, национальных, религиозных и других конфликтов [4, с. 9]. Естественно, что сами террористы рассматривают себя только в качестве «борцов за ратное дело». Идеология терроризма заключается в оправдании любого насилия благородно-этическими целями. Вот как сформулировал идею Хуан Карлос Марихелла, лидер бразильской повстанческой группы Авангард народной борьбы: «Террор – оружие, от которого революционер никогда не откажется». Терроризм представляет собой сложное социально-политическое явление, в основе которого лежит спектр социальных противоречий, прямо или косвенно оказывающих свое влияние на экстремистскую террористическую идеологию. Идеология терроризма в любой его форме представляет собой радикальный взгляд на проблему изменения реальной действительности. Терроризм реализует способ насильственного воздействия на личность, социальные общности, народы, государства и группы государств для получения политических, экономических, духовных выгод и преимуществ [5, с. 12–13].

Если говорить о современных вариантах терроризма, то их предлагается классифицировать по нескольким различным основаниям.

Зарубежные и отечественные философы, политологи, историки, государствоведы, психологи, юристы систематизируют и классифицируют терроризм на разных срезах, предлагая специфические критерии классификации, что, естественно, отражает многомерность и сложность этого явления. При всем многообразии и иногда несовместимости подходов такая многогранность исследования проблемы позволяет, в свою очередь, ученым-юристам с наибольшей обоснованностью выявить общественную опасность терроризма и те его признаки, которые значимы в уголовно-правовом аспекте, для придания им юридического характера признаков состава преступления.

На Межамериканской конференции по правам человека (1970), посвященной проблемам терроризма и защите от него населения, было названо три формы терроризма: социальный, политический, идеологический.

Немецкие исследователи И. Фетчер, Х. Мюнклер, Х. Людвиг также выделяют три типа современного терроризма, но по другим критериям: терроризм угнетенных этнических меньшинств; терроризм освободительных движений; терроризм индивидов и групп по политическим мотивам с целью изменения политического строя.

Г. Дэникер подразделяет терроризм на внутренний (действия граждан против своего государства на своей территории); транснациональный (действия граждан одного государства против своих соотечественников на территории другого государства); международный (между-

народные, межнациональные группы террористов действуют против другого или других государств) [6]. По мнению В.В. Витюка, существует два типа терроризма: государственный и оппозиционный [7, с. 16]. Эту же классификацию приводит А. Рубин [8]. Отечественные исследователи феномена терроризма в современном обществе В.Замковой и М.Ильчиков классифицируют его по следующим видам:

- революционный и контрреволюционный;
- субверсивный (направленный на дестабилизацию системы) и репрессивный (связанный с подавлением);
- физический и духовный;
- селективный (индивидуальные теракты) и слепой (против неопределенного круга лиц);
- провокационный (свойственный международному терроризму);
- превентивный террор (осуществляемый спецслужбами государств);
- военный террор (когда в доктрину ведения войны входят особая бесчеловечность, беспощадность и жестокость военных операций в отношении мирного населения, детей, объектов Красного Креста, военнопленных и т. д.);
- криминальный террор (состояние преступности, когда она выходит из-под контроля правоохранительных органов) [9, с. 9].

Наиболее полной на сегодняшний день нам представляется классификация В.В. Кафтана:

- по сферам воздействия на общество: экономический, политический, социальный и духовный терроризм;
- по идеологическому основанию: анархический, левацкий, контрреволюционный, крайне правый (фашиствующий); националистический, сепаратистский, религиозный (фундаменталистский), терроризм в культурной и экологической сферах;
- по целям: спланированный, демонстрационный, конфронтационный и провокационный терроризм;
- по характеру взаимодействия с государством различаются внутренний (государственный, проправительственный, межпартийный и оппозиционный) и международный (государственный, негосударственный) терроризм;
- по географии террористических проявлений: европейский (германский, французский, итальянский, российский и др.), азиатский (ближневосточный, средневосточный и др.), африканский, североамериканский, латиноамериканский);
- по правовому основанию: непротивоправный, псевдозаконный, спецтерроризм (слияние террористов со спецслужбами); криминальный и наркотерроризм;
- по среде протекания террористических актов терроризм можно разграничить на наземный, морской, воздушный, космический, инфраструктурный, компьютерный терроризм, а также ноосферный;
- по способам воздействия на объект: демонстративный и инструментальный;
- по применяемым методам: физическое и морально-психологическое насилие (угрозы, шантаж, демонстрация силы, ультимативные требования, распространение панических слухов и др.);
- по формам: шантаж, угроза; террористический акт; террористическая акция; система террористических действий («террористическая война»);
- по средствам: классический и современный (новый) терроризм, в свою очередь подразделяющийся на технологический (терроризм с применением ОМП биологического, химического, ядерного); терроризм смертников и не конвенциональный терроризм [10].

В принципе соглашаясь с данной классификацией, хотелось бы подчеркнуть, что в основе всех видов терроризма лежит идеология насилия, идеология пренебрежения личностью и ее правами, ценностями, идеалами интересами общества. Это – сущность терроризма, все остальное – лишь внешние формы его проявления, которые все более и более обнаруживают свою амбивалентность. В условиях глобализации идет интеграция различных террористических организаций и поддерживающих их структур. При этом идеологические и мотивационные различия достаточно успешно преодолеваются.

Очевидно, что перерастание терроризма из локального явления, каким он был еще в 70–80-е гг., в международный терроризм, является одним из следствий глобализации [11]. Международный терроризм – это насильственные акты против граждан или объектов, в том числе находящихся под защитой международного права, убийства глав государств или правительств, их дипломатических представителей, взрывы посольств или миссий, представительств организаций, штаб-квартир международных организаций, взрывы в общественных местах и т.п.

Характерной чертой международного терроризма является его интеграция с транснациональной организованной преступностью. В условиях усиливающейся деморализации населения, утраты социальных ориентиров целыми группами населения, резкого снижения правовой

культуры граждан террористы, как правило, оказываются простыми уголовниками, лишь прикрываемыми политическими, религиозными или какими-либо другими мотивами [12, с. 277]. Особенно это характерно для нашей страны, что подтверждается исследованиями мотивов большинства террористических актов на Северном Кавказе [13].

Как отмечалось выше, всякий акт терроризма посягает на базисные права человека, утвержденные и признанные Всеобщей декларацией прав человека, и противоречит ее ст. 3 («каждый человек имеет право на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность»), а также ст. 17 (п. 2) («никто не должен быть произвольно лишен своего имущества»). В ст. 6 (п. 1) Международного пакта о гражданских и политических правах сказано еще более определенно: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». В настоящее время сложилось четкое понимание того, что терроризм – это совершение общественно опасных деяний в отношении жизни, здоровья людей, прав и законных интересов различных субъектов ради принуждения третьей стороны к принятию требуемых террористами решений. И здесь, во-первых, существенна констатация отсутствия конфликта между самими террористами и их непосредственными жертвами. Такие потерпевшие никогда не бывают виноваты в соответствующем поведении террористов, они не характеризуются даже просто виктимным поведением. Акция терроризма при указанном понимании не выступает звеном в цепи сложных взаимоотношений между виновными и их непосредственными жертвами.

Если, например, говорить об убийстве и невиктимном поведении жертвы в конкретной ситуации лишения ее жизни, то при изучении взаимоотношений убийцы и жертвы в длительном временном интервале можно увидеть, что убийство в ряде случаев стало результатом противоправного и даже прямо преступного поведения убитого. Однако при терроризме, как бы ни углублялось исследование в историю взаимоотношений террористов и их непосредственных жертв, нового оно не принесет: террористы, как правило, не бывают знакомы с такими жертвами, и те ни в чем не бывают виноваты перед террористами. Ни в чем не повинные и не являющиеся участниками отношений террористов и «третьих лиц» граждане и организации, их права и интересы в данном случае выступают в качестве «заложников» принятия нужных террористам решений.

В акте террора жертвы никогда не участвуют в конфликте террористов и «третьей стороны», как правило, даже не ведают о таком конфликте. Данное положение нашло отражение в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г.: под терроризмом понимается «деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организации, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения».

В целом, поскольку акции террористического характера могут быть самыми разнообразными, со временем изменяются, модифицируются, жертвами этих акций могут быть люди самых различных социальных групп и слоев.

Некоторые авторы подразделяют участников террористических актов на группы: первые участники («партнеры») – это авторы, то есть прямые исполнители и заказчики. Относительно указанной категории существует большое количество исследований. Это могут быть как отдельные лица, так и группа лиц, объединенных во временные или устойчивые группы, вплоть до «организаций». В последнем случае заказчики, организаторы и непосредственные исполнители представляют все три категории лиц, входящих в объединение. Члены организации могут играть либо роль простого исполнителя, либо руководителя [14].

С психологической точки зрения большое значение имеет именно организация террористов, включающая в себя иерархическую структуру и непрерывность подготовки целенаправленных действий, а также убежденность в необходимости возобновления актов насилия вплоть до удовлетворения своих требований. Такие организации основаны на их приверженности к насилию, от которого участники получают удовлетворение. В основе этого явления лежат либо зловещий психопатологический детерминизм, либо какие-то культурные традиции, основанные на оправдании насилия и жестокости. Кроме того, в основе терроризма также лежит убежденность в правоте поставленной цели, идеологии и в том, что общество, против которого совершается насилие, является враждебным, подлежит уничтожению, разрушению или порабощению.

Кроме группы авторов и заказчиков, следует выделить категорию симпатизирующих, а именно представителей той же культуры и той же идеологии. Они временно или постоянно укореняются среди населения, но при этом ощущают, что более привязаны к идеологии и ценно-

стям, распространяемым террористами, чем к идеологии и ценностям местного населения. Именно среди них рекрутируется пополнение, вербуются соучастники, сочувствующие и новые исполнители. Более определенно можно сказать, что в конкретном случае исламского терроризма безработные и бедные иммигранты из арабских стран могут стать той средой, в которой терроризм готовит свои злодеяния.

Вторая группа участников («партнеров») – это жертвы террористических актов. Оценивая теракт в аспекте виктимологической перспективы, можно выделить три основные категории жертв.

Прямые жертвы – лица, физически вовлеченные в исполняемый теракт: заложники, жертвы насилия (взрывов, массовых отравлений и т.п.), а также пострадавшие сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в пресечении деятельности преступников. Категория вторичных жертв включает в себя членов семей и близких знакомых прямых жертв, а также лиц, участвовавших в последующей работе с жертвами (профессиональные спасатели, врачи и др.) К этой группе можно отнести и лиц, чье имущество было уничтожено. Кроме возможных физических страданий, все они пережили психологический шок или травму, от которых могут остаться психические последствия. Используя научный «жаргон», многие авторы называют пострадавших «второстепенными жертвами» в отличие от местного населения, которое именуется «первичными жертвами», ибо террористы рассматривают именно население как свою главную цель. Определение «второстепенный» делает несчастья жертв ничтожными и лишь усиливает их чувство беспомощности и одиночества. В этой связи более целесообразным представляется использовать термин «прямые жертвы».

Косвенные жертвы – те индивидуумы в сообществе, на которых воздействуют вторичные эффекты бедствия, члены общества, переживающие свою солидарность и сопричастность жертвам, осознающие себя в качестве потенциальных жертв. Жестокость и насилие террористов затронули их больше, чем все население в целом. Прежде всего, это родные и близкие прямых жертв, переживающие траур и горе в связи со смертью близких или их ранениями. Это также живые и невредимые свидетели террористических актов, а также лица, оказывавшие первую помощь пострадавшим. Кроме того, это спасатели, потрясенные смертью, страданиями и отчаянием, всем тем, что им пришлось пережить. Врачи приняли решение рассматривать эту категорию населения как жертвы, так как они перенесли эмоциональный шок и в большинстве случаев у них остаются тяжелые последствия.

Эти косвенные жертвы – основные цели терроризма, здесь масштаб неограничен. В качестве отдельной категории жертв могут быть названы сами террористы, которые нередко принуждаются к исполнению теракта посредством насилия, обмана, длительной и профессиональной психологической обработки. Нередко в качестве исполнителей актов террора использовались дети.

Местное население составляет третью группу жертв. Именно на нее направлены в конечном итоге действия террористов. Демонстрация насилия должна, по мнению исполнителей террористических актов, породить у населения чувство незащищенности и страха: страх перед возможным количеством жертв (даже если на самом деле реальное количество не может быть значительно), страх перед вероятностью оказаться подвергнутым насилию, страх перед невозможностью жить в безопасности, страх перед атмосферой войны. Чувство страха должно быть сильным, то есть переживаться как физический и психический страх, ужас, отчаяние, которые провоцируют человека к поведению и принятию таких решений, которые не свойственны ему в нормальной жизни. В данном случае речь может идти о требовании уступок террористам и проведении переговоров.

Прямыми и косвенными жертвами террористических акций в наше время могут быть представители различных демографических групп – дети, женщины, пожилые люди (что наглядно подтвердили террористические акты последних лет в России – захват школы в Беслане и театрального комплекса на Дубровке), различных социальных групп – наемные работники, мелкие, средние и даже крупные предприниматели, представители силовых структур и органов власти. Наиболее виктимными являются лица, служебные обязанности которых связаны с реализацией функций высшей государственной власти, главы субъектов федерации и политики федерального уровня. Здесь убийство или похищение, помимо возможностей оказать давление на власть, носит еще и символический характер, нередко связывается с социально значимой семантикой времени и места (яркий пример – покушение на президента Чечни А. Кадырова 9 мая 2004 г.) Однородность либо различия социального, демографического и этнического состава группы пострадавших от терроризма связана, как правило, с местом реализации акции и способом осуществления террористического акта.

Особенностью данного вида преступления является то, что его непосредственной целью выступает массовая виктимизация населения, превращение общества и личности в потенциальную и актуальную жертву насилия. Осознавая это, все большее число криминологов, анали-

зирующих данную проблему, делают акцент именно на ее виктимологической составляющей. Нет нужды говорить о том, сколь важен и актуален для нас этот опыт [15].

Как было сказано выше, жертвами террористических актов, как правило, являются ни в чем неповинные мирные люди. В большинстве случаев, особенно при захвате заложников, террористов интересует не столько личность жертв, сколько возможность использовать насилие над ними в качестве средства давления на адресата. Виновные лица при этом не имеют личных взаимоотношений с заложниками, которые обуславливали бы их соответствующие действия [16, с. 93]. Однако характер протекания данного вида преступления, его результат, а также выбор оптимальной схемы его пресечения или предупреждения в самой значительной степени зависят от факторов виктимологического порядка.

По различным классификациям выделяются отдельные фазы поведенческих реакций. Объединяя данные многих исследователей, можно обозначить:

- фазу предвоздействия, когда испытываются чувства грядущей беды, беспокойство, ощущение угрозы; эта фаза особенно актуальна, если террористические акты осуществляются систематически либо им предшествуют угрозы; нередко угроза игнорируется. На фазе предвоздействия среди населения отмечаются единичные невротические расстройства с выраженным психогенным компонентом и паническим радикалом;

- фазу воздействия – непосредственно период действия разрушительного фактора; как правило, это минуты и часы, реже – дни; доминирующей эмоцией в этот период является страх;

- героическую фазу, которая длится также несколько часов или дней, сопровождается подъемом, воодушевлением, всплеском альтруизма, желанием помочь пострадавшим спастись и выжить;

- фазу «медового месяца», которая сопровождается чувством гордости за то, что опасность преодолена, уверенностью в том, что в скором времени проблемы будут решены;

- фазу разочарования, которая длится до полутора лет, сопровождается чувством разочарования, гнева, негодования и горечи, крушением личных надежд;

- фазу восстановления, которая развивается через полтора-два года, сопровождается осознанием необходимости налаживать жизнь, брать на себя ответственность за решение насущных проблем.

Что же происходит с психикой в период воздействия чрезвычайного психотравмирующего фактора, в частности, во время террористического акта? Человеку становится настолько страшно, он испытывает такой ужас и ощущение безысходности, что эмоции начинают превалировать и разум отступает на второе место. Это может привести к аффективному сужению сознания и, как следствие, к неадекватным поступкам. Поведение в таких случаях может быть двояким. Во-первых, это реакция с двигательным возбуждением. Очень часто человек внезапно в момент опасности начинает метаться и бежит навстречу опасности, где может погибнуть. Второй вариант – так называемая «мнимая смерть», или ступор, когда человек, вместо того, чтобы убежать, застывает. Такие патологические формы реагирования длятся от нескольких минут до часа. В последующем человек не может вспомнить последовательность событий, какие-то подробности, как им оказывали помощь.

Знание психологического состояния жертв террористических актов и этапов восстановительного периода поможет найти оптимальный и верный путь оказания необходимой помощи жертве терроризма.

Следует отметить, что, несмотря на активное обсуждение проблем заложников в прессе, вопросы поведенческих реакций жертв и заложников непосредственно во время террористических актов, психологии взаимоотношений жертв и террористов практически остаются малоизученными, отсутствуют систематизированные научные обобщения, которые, возможно, были бы весьма полезны с точки зрения криминологии и виктимологии. В то же время отдаленные психические последствия у жертв террористических актов в последние годы интенсивно изучались как криминологами, так и специалистами-медиками, психиатрами, психологами [17].

В настоящее время установлено, что последствия террористического акта носят множественный характер: это и социально-психологические, и психиатрические, и общемедицинские последствия.

К одним из наиболее серьезных социально-психологических последствий можно отнести формирование стойкой психологии жертвы. Как известно, если человек когда-то подвергся нападению, особенно если это произошло в детском или подростковом возрасте, у него может произойти изменение психологического развития: девочки, как правило, в обществе начинают ощущать себя жертвами, и часто их поведение невольно провоцирует насилие. Мальчики, наоборот, могут отождествлять себя с обидчиком, и проявлять не свойственные им ранние черты агрессивности и грубого отношения к окружающим.

Нередко в последнее время жертвы террористических актов подвергаются дискриминации, проявляющейся в негативном отношении общества, обвинении в стремлении получить выгоду – «нажиться на своем горе», требование законных льгот вызывает раздражение. В ряде случаев пострадавшего начинают бояться словно заразного из суеверного представления, что этот человек «притягивает» несчастья.

Еще одно из социальных последствий – снижение успеваемости у детей. Например, среди детей (актеров и зрителей) – заложников «Норд-Оста» – примерно у 20 % было отмечено снижение успеваемости, при этом мало кто из учителей связывал это с трагедией, хотя до теракта ребенок учился более или менее удовлетворительно. В таких случаях требуется психологическая и психиатрическая консультация, потому в основе школьной неуспеваемости могут скрываться болезненные симптомы, в том числе и обострения хронических психических заболеваний.

Диагностика посттравматического стрессового расстройства сложна в первую очередь у детей. Симптомы, которые могут развиваться после перенесенного стресса и должны насторожить педагога, родителя или опекуна. Если у ребенка на глазах погиб человек, то с ним обязательно должен поработать психолог, и особое внимание нужно уделить этому ребенку в дальнейшем.

Можно предположить, что акт террора взламывает какие-то очень глубокие пласты психики, существенно деформируя ее как у преступника, так и у жертвы. Видимо, психологической науке еще предстоит глубоко изучить это состояние. Так же как и амбивалентность самоощущения и ролевого самопозиционирования террориста и его жертвы. Это состояние, очевидно, обнаруживает себя в известном стокгольмском синдроме, для которого характерно развитие у жертвы чувства если не сопричастности, то, по крайней мере, сочувствия к своему мучителю-террористу.

Само понятие стокгольмского синдрома возникло как результат изучения эмоциональных и психологических трансформаций, которые можно было наблюдать у лиц, захваченных в качестве заложников в ходе неудавшегося грабежа банка в 1974 г. в Стокгольме. Три женщины и один мужчина были взяты в качестве заложников двумя террористами, которые грозились убить их, но в то же самое время, казалось, проявляли к ним доброе отношение. Возможно, их сближало само ощущение угрозы и стремление выжить, которое имело место как у жертвы, так и у террористов.

В дальнейшем, анализируя последствия этого феномена, криминологи выделили черты проявления стокгольмского синдрома: заложники проникаются симпатией к своим захватчикам, заложники проникаются ненавистью к властям, заложники проникаются симпатией к заложникам. При этом указанные три элемента не обязательно присутствуют одновременно [18]. Отмечается, что с точки зрения ведения переговоров такие проявления имеют одновременно положительные и отрицательные стороны. Положительная сторона состоит в том, что чем сильнее стокгольмский синдром, тем менее вероятно, что захватчик убьет заложников. С другой стороны информация, исходящая от заложников, может стать недостоверной.

Особенно виктимизированными вследствие акта террора оказываются дети. Психологические реакции детей на обстановку постоянной угрозы теракта подобны реакциям тех, кто испытал воздействие военной ситуации. Психологическое напряжение здесь практически не отличается из-за того, ведется ли война в полном масштабе, является ли она вялотекущим конфликтом, партизанской войной или терроризмом. Некоторые исследователи указывали на то, что самым серьезным последствием «хронического терроризма» для маленьких детей является угроза смерти или разлуки с родителями.

Не менее серьезным преступлением, чем сам террор, является вовлечение детей в деятельность террористических или экстремистских организаций, активно использующих насильственные методы. В совершение преступлений террористического характера большинство несовершеннолетних вовлекается путем психического и психофизического воздействия с отведением им роли исполнителя или пособника при организующей роли взрослых.

Характерно, что многие из детей, вовлеченных в деятельность террористических организаций, ранее сами были жертвами террористических актов [19, р. 174]. В результате терроризм приобретает циклический характер. Жертва становится преступником, а преступник обнаруживает черты виктима. Для того чтобы выйти из этого порочного круга, необходима длительная и целенаправленная работа психологов, социальных работников, адекватная нравственная мобилизация всего общества, усиление степени ответственности государства перед жертвами терроризма [20].

Ссылки и примечания:

1. Анализ различных подходов см.: Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М., 2002.
2. Логинов Е.Л., Лукин В.К. Экономические механизмы функционирования террористических формирований // Экономика. Право. Печать. 2002. № 1–2 (9–10).
3. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. № 8.
4. Замковой В., Ильчиков М. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996.

5. См.: Кафтан В.В. Терроризм как общественное явление современности. М., 2004.
6. Дэникер Г. Стратегия антитеррора. Новые пути борьбы с терроризмом // Терроризм в современном капиталистическом обществе. М., 1982. Вып. 2. С. 76–80.
7. Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политическая концепция современного «левого» терроризма: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 1995.
8. Rubin A. Current legal approaches to international terrorism: difficulties of legal control // *Terrorism and political violence: limits and possibilities of legal control* / ed. by H.H. Han. New York; London; Rome, 1993. P. 213–223.
9. Замковой В., Ильчиков М. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996.
10. Кафтан В.В. Терроризм как общественное явление современности. М., 2004. С. 13–14. Ср.: Мелентьева Н. Размышления о терроре // *Элементы: Евразийское образование*. 1996. № 7.
11. Стоит отметить, что в контексте проблематики глобализации рассматривал вопросы международного терроризма известный американский политик, бывший кандидат в президенты США от Демократической партии Керри: Kerry J. *The new War. The Web of Crime That Threatens America's Security*. NY, 1997. P. 109–132.
12. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дисс. ... д-ра юр. наук. М., 2007.
13. См.: Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения). М., 2001. С. 13–24, 35–41. Ср.: Корнелиук О.В. К вопросу о мотивации терроризма // *Проблемы борьбы с терроризмом и организованной преступностью*. Уфа, 1999. С. 62–66; Манацков И.В. Ислам как прикрытие политических интересов терроризма // *Труды Краснодарского юридического института МВД России*. Краснодар, 2000. С. 51–57; Хвыля-Олинтер А. Опасные формы нетрадиционных религиозных движений // Северо-Кавказский регион. 1998. № 3. С. 65–67.
14. Крок Л. Психологическое воздействие терроризма // *Perspectives Psy*. 2002. Vol. 41, N 4.
15. См.: *Terrorists, victims and society: psychological perspectives on terrorism and its consequences*. Chichester, 2003. P. 131–211.
16. Овчинникова Г.В., Павлик М.Ю., Коршунова О.Н. Захват заложника. СПб., 2001.
17. См.: Адельханян Р.А. Похищение людей: виктимологический аспект // *Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный журнал*. М., 2003. № 3. С. 78–82; Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998; Антропология насилия. СПб., 2001; Боев И.В. Жертвы терроризма (психология, психопатология и терапия). Ставрополь, 2003; Долгова А. Конкретизация понятия терроризма в криминологических и правовых целях // *Уголовное право*. 2003. № 2. С. 100–103; Крок Л. Психологическое воздействие терроризма // *Perspectives Psy*. 2002. Vol. 41, N 4; Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового регулирования // *Государство и право*. 1998. № 8; Ольшанский Д.В. Психология террора. М.; Екатеринбург, 2002 и др.
18. По материалам Коллоквиума по авиационной безопасности. Париж. 10–14. III. 1986 г. // *Социальные конфликты*. М., 1993. № 4.
19. Sgarzi J., McDevitt J. *Victimology: a study of victims and their roles*. New Jersey, 2003.
20. См. подробнее: Рухтин С. Ответственность государства перед жертвами терроризма в свете решений Европейского Суда по правам человека // *Российская юстиция*. 2004. № 6. С. 50–52.

References and notes:

1. For the analysis of different approaches, see: Ustinov, VV 2002, *Terrorism is accused*, Moscow.
2. Loginov, E & Lukin, VK 2002, 'Economic mechanisms of terrorist groups', *Economy. Law. Print*, no. 1–2 (9–10).
3. Minkovskiy, GM & Revin, VP 1997, 'Characteristics of terrorism and some ways of increasing the effectiveness of combat', *State and law*, no. 8.
4. Zamkovoy, V & Ilchikov, M 1996, *Terrorism as a global challenge of our time*, Moscow.
5. See: Kaftan, VV 2004, *Terrorism as a social phenomenon of our time*, Moscow.
6. Deniker, G 1982, 'Anti-terrorism strategy. New ways to fight terrorism', *Terrorism in modern capitalist society*, Moscow, issue 2, pp. 76–80.
7. Vityuk, VV 1995, *Social essence, ideological and political concept of the modern "left" of terrorism*, PhD thesis abstract, Moscow.
8. Rubin, A 1993, 'Current legal approaches to international terrorism: difficulties of legal control', in HH Han (ed.), *Terrorism and political violence: limits and possibilities of legal control*, New York; London; Rome, pp. 213–223.
9. Zamkovoy, V & Ilchikov, M 1996, *Terrorism as a global challenge of our time*, Moscow.
10. Kaftan, VV 2004, *Terrorism as a social phenomenon of our time*, Moscow, pp. 13–14. Compare with: Melentyeva, N 1996, 'Reflections on terror', *Elements: Eurasian education*, no. 7.
11. It is worth noting that in the context of globalization issues dealt with issues of international terrorism, the famous American politician and former presidential candidate of the Democratic Party Kerry: Kerry, J 1997, *The new War. The Web of Crime That Threatens America's Security*, NY, pp. 109–132.
12. Vishnevetskiy, KV 2007, *The criminal victimization of social groups in contemporary society*, D.Phil. thesis, Moscow.
13. See: Morozov, G 2001, *Terrorism as a crime against humanity (international terrorism and international relations)*, Moscow, pp. 13–24, 35–41. Compare with: Kornelyuk, OV 1999, 'On the question of the motivation of terrorism', *Problems of the fight against terrorism and organized crime*, Ufa, pp. 62–66; Manatskov, IV 2000, 'Islam as a cover for political interests terrorism', *Proceedings of the Institute of Law of the Krasnodar Russian Interior Ministry*, Krasnodar, pp. 51–57; Khylyla-Olinter, A 1998, 'Dangerous forms of non-traditional religious movements', *North Caucasian region*, no. 3, pp. 65–67.
14. Krok, L 2002, 'The psychological impact of terrorism', *Perspectives Psy*, vol. 41, no. 4.
15. See: *Terrorists, victims and society: psychological perspectives on terrorism and its consequences* 2003, Chichester, pp. 131–211.
16. Ovchinnikova, GV, Pavlik, MY & Korshunov, ON 2001, *Hostage-taking*, St. Petersburg.
17. See: Adelhanyan, RA 2003, 'Kidnapping: victimological aspect', *Organised crime, terrorism and corruption. Quarterly Journal of Criminology*, Moscow, no. 3, pp. 78–82; Antonian, YM 1998, *Terrorism. Criminological and criminal law research*, Moscow; *Anthropology of violence* 2001, St. Petersburg; Boev IV 2003, *Victims of terrorism (psychology, psychopathology and therapy)*, Stavropol; Dolgova, A 2003, 'The concretization of the concept of terrorism in criminological and legal order', *Criminal Law*, no. 2, pp. 100–103; Krok, L 2002, 'The psychological impact of terrorism', *Perspectives Psy*, vol. 41, no. 4; Maltsev, VV 1998, 'Terrorism: the problem of legal regulation', *State and law*, no. 8; Olshanskiy, DV 2002, *Psychology of Terror*, Moscow; Yekaterinburg; etc.

18. 'According to the materials of the Colloquium on Aviation Security. Paris. 10–14. III. 1986' 1993, *Social conflicts*, Moscow, no. 4.
19. Sgarzi, J & McDevitt, J 2003, *Victimology: a study of victims and their roles*, New Jersey.
20. See for more: Ruhtin, S 2004, 'State responsibility to the victims of terrorism in the light of the decisions of the European Court of Human Rights', *Russian justice*, no. 6, pp. 50–52.